

Али / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Али / рассказ АЛИ

Они все побаивались его; он давал жару фотографам, его побаивались, им были недовольны, он мог разозлиться, закатить истерику или устроить сцену, он выходил из себя, Патрик считает, что это потому, что он впервые приехал из Африки в Европу, Али в Африке жил в маленьком городке, в малюсенькой рыбацкой деревушке, а тут – Париж! Он сидел дома у Патрика и никуда не ходил, даже из своей комнаты выходил редко, очень редко показывался. Фотографы были слишком требовательны, они и правда замучают кого угодно, любой нарцисс взвоет. Али посылал их к черту! Когда я пришел в издательство, они мягко на цыпочках кружили вокруг него, два ассистента с лампами и зонтиком, два мастера с аппаратами, очень деликатно, почти шепотом они спрашивали африканского писателя: можно ли вас попросить, месье, повернуться чуть-чуть правее?.. Али злился, играл желваками, каменно поворачивался чуть-чуть правее, смотрел на них и – чудо перевоплощения – одарял их обаятельной теплой улыбкой! А можно вас, месье, попросить посмотреть теперь налево?.. Али смотрел налево. О спасибо, месье! Да, сколько хлопот с начинающими писателями! Сколько требуется такта! Особенно с теми, кому только что вручили премию, и вот-вот вторую поднесут – на блюдечке... Мы как раз собирались ехать в Clichy на церемонию премии Werpler. Он, несомненно, вообразил себя гением. Это и понятно: тебе нет тридцати, первый роман после трехлетней (так утверждает Патрик) спячки выходит в Париже, тебе дают премию, ждут финалы еще трех премий (сколько у них премий во Франции! поэтому так много писак – что-нибудь да получишь, не в этом году, так в другом – когда-нибудь точно чего-нибудь дадут, надо только писать, не отставать от поезда, каждый год о себе напоминать, сидеть в литературных кафе с мрачным видом, или поднять крик на перекрестке, так чтоб тебя все видели, самое главное: быть на виду! или жениться на

какой-нибудь принцессе, секс-бомбе, старухе-миллионерше, тратить деньги, врезаться в машины издателей, преследовать кинозвезд и моделей, распускать о себе зловонные слухи – чтоб о тебе писали, хоть в таблоидах, все равно!). Я понимаю – от внезапной известности у писателя из глубинки (Заир!) может поехать крыша. Он сидит с женой дома у Патрика (на отшибе Парижа: Альфортвиль) и не выходит: даже в сад пройтись, говорят, не вылезает, а у Патрика там чудный сад – курочки, коты, соловьи круглый год поют... Этому наплевать на красоту... Город? Нет, он не ходит по музеям, его ничто не интересует. Сегодня на встречу с журналистами и фотографами он приехал на два часа позже. Опоздал. Потерялся. Приехал взвинченный и всех разнес. Потом я видел фотографии. Это гениально: смесь супермодели и каннибала. За такой свирепый взгляд и зубастую улыбку можно простить любые капризы. Люси сказала, что Али в своем романе использовал очень редкие выражения, он написал роман на том французском, на котором уже давно не пишут во Франции. При этом много аргю и африканизмов, но это пестрое панно влито в холст чистейшего французского языка, который уже не используют современные авторы. О! Все пришли в восторг! Quel hybride! [1] Встречаются даже редкие, давно выпавшие из словарей выражения. Да, такое бывает: некоторые слова плохо держатся в книгах, честное слово, я сам видел, как один профессор в Таллинском университете нес под мышкой старый толстый словарь, и по полу за ним стелился шлейф из выпадающих устаревших выражений! Это было в начале девяностых. Тогда много всего выпало и пропало. Стерлось! Испарилось! Растворилось! Как бывает при перегонке или переводе – много редких ценных вещей пропадает, побочный эффект, надо иметь в виду (пишите проще, – говорят мне, – а не пойти бы вам знаете куда? – отвечаю я). Глядя вслед тому старому профессору, я подумал: что это такое? Я пошел следом по коридору. Старик преподавал нам русский язык (основы лингвистического анализа, что-то вроде того). Он был слегка не в себе. Он носил старую одежду, брюки были очень короткие, пиджачок на нем смотрелся нелепо: фалды на заднице стояли торчком, рукава были слишком коротки. И перхоть, перхоть, и запашок... Я подумал: что это там

на полу – уже не обоссался ли он? Наклонился посмотреть – нет! То были слова... они шевелились, как гусеницы... ползли, торопились скрыться под плинтусом – вот куда ушел русский язык – под плинтус! Оттуда его надо выковыривать! В отличие от меня, Али ничего выковыривать не приходится – тот старый чистый французский язык удивительно прижился в Заире, там даже торговки на рынке говорят как герцогини! Рыбаки цитируют Монтеня и Ларошфуко!

Али обыгрывал не только архаизмы, но также использовал те выражения, что со временем трансформировались. Напр., *comme un swiss* [2]. Люси увидела это выражение и написала ему: Так не говорят.

Он: А как говорят?

Люси: *Comme un juif* [3].

В ответ он присылает ей ксерокопию старинного словаря, где написано, что это выражение – *comme un swiss* – означает то же, что и – *comme un juif*. Только ваш вариант вошел в обиход одним столетием позже, замечает Али в письме.

«Я была пристыжена! – рассказывала мне Люси. – Я даже покраснела! Я даже теперь, рассказывая эту историю тебе, краснею, хотя мы тут вдвоем. Черт! Парень из африканской деревушки знает французский и его историю лучше парижского редактора! А я к тому же старше его на семь лет! Ужас!»

Я успокаиваю Люси, говорю, что подлинный дореволюционный русский сохранился только в Парагвае – я смотрел передачу по *Discovery Channel*, к тому же Али мне по секрету признался, что в их деревне очень долго жил один католический священник, который там построил миссию, обосновался и, благодаря какой-то дыхательной гимнастике, жовиальным эликсирам и снадобьям, воздержанию и молитве, он прожил триста лет, он-то и преподавал французский язык и литературу нашему Али, вот откуда у него язык – из первоисточника, Али говорит на французском, который не знал ни реформ, ни революций, ни Парижской коммуны, ни обеих мировых войн, в этой затерянной деревушке с миссией на холме не было ни радио ни телевизора, Али говорит на французском семнадцатого века! Кто смеет его править? Али ударил пальцем по столу – он был в пижаме, у меня

было похмелье, мы сидели на кухне Патрика в Альфорвилле, возле большого окна с видом в сад, где росли яблони, вишни, сирень и какие-то кусты, между которыми гуляли курочки, в глубине сада стоял стол, за ним была совершенно советская сараюшка, на которой жарился кот. — В Париже все делается не вовремя, — говорил Али. Он был недоволен. Он считал, что не опаздывал на пресс-конференцию. — Это они собрались на два часа раньше. Я — пунктуален!

Да, я заметил: пунктуален, щепетилен, дотошен и чертовски мнителен. За неделю под одной крышей я неплохо его изучил. Он на меня сильно действовал. Жить под одной крышей с гением или хотя бы с тем, кто мнит себя гением, очень непросто. Я выпил все бутылочки коньяка и брэнди, что хранились у Патрика в кухонном буфете, я делал себе коктейли по ночам: смешивал брэнди с венецианским лимонадом (тоже маленькая бутылочка с надписью Venezia, думаю, Патрик понавез это барахло из гостиниц, к тому же он наполовину итальянец), а потом и днем начал пить, присутствие Али — хоть он и редко показывался — на меня давило, он был как туча, у меня случилась головная боль, как в дни тяжелого атмосферного давления.

— Я не опаздывал. Я щепетилен!

Точно: он проявил щепетильность при обмене книгами, когда делал дарственную надпись в экземпляре своего *Le Tempête et La Conciliation* [4] — почти «Война и мир»: писал семь лет, начал в восемнадцать, закончил в двадцать пять, три года рукопись блуждала по издательствам, никто не брал, никто даже не читал его длинных писем: «Так не составляют писем, — говорил Патрик, — когда я прочитал первые строки его письма, я понял, что это полная неудача, никто не пишет достопочтенный господин издатель, так не пишут и не говорят. Теперь я понимаю, почему рукопись никто не читал. Никто даже его письма не читал дальше первых трех слов!» Али попросил меня написать мое имя на бумажке, чтобы он без ошибок переписал его. Несмотря на то что в его руках была моя книга, которую я только что ему подарил, подписав для него; и, заметим, его имя я написал без ошибок, потому что готовился к нашей встрече, я читал статьи и рецензии о его книге, я следил за его туром и — победоносным

восхождением к взятию первой премии, я изучал фотографии, читал фрагменты, я – интересовался, я – подписал петицию, когда какие-то бюрократы не давали ему визу, я в числе многих прочих заполнил и подписал петицию, я тоже приложил мою руку к тому, чтобы он смог приехать во Францию и сидеть передо мной в своей африканской пижаме, а он даже не знает, как мое имя пишется, я сейчас слушаю, как играет на клавесине Жюльет, я сильно растроган, я не могу писать, у меня похмелье, я вспоминаю, как мы вчера попали под дождь, бродили с Жюльет по Парижу, ехали в метро, говорили, половину слов съедал шум и ветер, подтачивал интонацию дождь, мы спешили, мы запыхались, потом гуляли с пиццей по Альфортвиллю, останавливались и опять говорили, о революции, об алжирцах, обо всем... я так растроган: может, мне стоит похмелиться коктейлем? Брэнди с лимонадом Venezia?.. Скрипнула лестница. А, вот опять Али спускается из своего гнезда. Шаркает тапками по ступенькам. На кухонном столе для него оставили пять экземпляров. Он должен их подписать. Для кого-то. Сверху на стопке лежит бумажка, на которой написаны имена. Его книга так объемна, что эта стопка дорастает чуть ли не до лампы в узорчатом старинном плафоне. Я его приветствую. Он тоже мне кивает, но не смотрит в глаза. Неприятно. Я поежился. Может, он уже заглянул в мою книгу и ненароком наткнулся на Амбруаза? Маловероятно. Вряд ли он будет меня читать. Вот я его буду, а он меня – нет. Это сразу видно. Такое видишь. Даришь книгу человеку, пожимаешь руку и – поймав какой-то таинственный импульс – понимаешь: он не станет читать мой роман. И не надо, не надо...

Стол ходил ходуном, когда он подписывал оставленные экземпляры. У него очень сильный нажим. Очень долго возился. Стол и стул поскрипывали, потрескивали в унисон, будто стонали: да когда же ты кончишь... Какой тяжелый крупный почерк, какая напряженная рука! Вот у меня рука легкая, скользит по листу, пока он пишет несколько слов, я успеваю долететь до дна страницы, взобраться на новый лист и – скатиться с горочки; я стараюсь писать расслабленной рукой. У тех, кто сильно вдавливают слова (вот П. пишет – как ножом по дереву!), очень большие амбиции: пишут насмерть.

Али меня изнуряет. (Мы тут неслучайно, я уверен.) А что если он прочитал про Амбруаза?

Скорей бы он, я пороюсь в буфете: авось еще осталась парочка бутылочек?

Теперь он встал и стоит в коридоре – что он там делает? Яйца чешет? Ах, он посылает текстовое сообщение по своему старому мобильному телефону... А в буфете похмелье мое созревает, там – мне воображается – россыпи блестящих бутылочек... они растут как грибы... свисают ягодами с хрустальных стеблей... ты срываешь такую стеклянную ягоду и выдавливаешь алкоголь в бокал, заливаешь его лимонадом... Да уйдет он или нет? Что-то бормочет. Ах, прежде чем отправить, он перечитывает написанное, чтобы не было ни одной опечатки, господи! Дотошный... А Патрик, между тем, наслаждается жизнью в Ренне. Создал живую аллюзию на «Жильцов» Маламуда и посмеивается... Али поднимается вверх, идет в туалет. Я бросаюсь к буфету, стараюсь открыть створки так, чтобы не скрипнуть... ищу... сдвигаю фарфоровые фигурки... Ну? Нету? Сдвигаю бокалы, рюмки, стаканы. Ни пузырька! А может, одна закатилась в самый дальний уголок? Надо искать, искать... Почему он не мог отправить свое сообщение в туалете? Ну? Поднимаю графин – тяжелый... За ним ничего. Не сдаваться! Ищем дальше... Мы вчера прекрасно погуляли с Жюльет, у меня так болит голова... Ночью я сделал себе коктейль, а потом второй... Я даже не заметил, что причиной тому была пачка табака, которую я заметил в первый же день на тумбочке в прихожей... и потом каждый день желтая пачка попадалась на глаза, я видел ее, но как бы не обращал внимания... но несомненно она оставила след в сознании... Мы с Жюльет бродили под дождем, я думал, что она заблудилась... Я и не думал о той пачке, а она все-таки засела у меня в подсознании. Я думал: было бы замечательно заблудиться вот так, и никогда не найти дороги... Клавесин затих... Жюли ушла... Может быть, это была не она, а одна из ее кошек... ходила по клавишам... Жюли вчера сказала, что рыжая кошка совершенно безумна, меня это рассмешило... Не смейся, когда она влезает внутрь, то ходит по столам, клавесину, компьютеру, залезает на шкафы и полки, а потом расчесывает себя до крови, выдирает клочья... Она так однажды покончит с собой, сказала Жюльет, да,

точно, покончит с собой, раздерет себе артерию и истечет кровью... Я ее обожаю, Жюжю! Кажется, звякнул почтовый ящик. Она сказала, что бросит туда ключик, когда будет уходить. Жюли, не уходи! Не оставляй меня здесь! Шаги на ступеньках. Я по локоть в буфете, мать твою! Вытягиваю руки, стараясь ничем не звякнуть. Закрываю дверцы. Бросаюсь к столу. Сажусь за бумаги. Пишу... Он вошел. Али. Мрачен, тяжело вздыхает. Взял книги. Каждую раскрыл. Проверил свои надписи. Все ли в порядке? Боится сделать ошибку. За ним следят. Ему непросто. Он тут под увеличительным стеклом. Должен доказывать, что знает французский, что он имеет право писать свои романы на французском, даже если это не его родной язык. Он – билингв. Да, французы должны смириться... У нас полно русских, которые пишут и по-французски и по-английски, но – Али из Заира, это совсем-совсем другая история... Вечером мы были в Клиши, в *brasserie Wepler*, на вручении премии. Я чувствовал себя неуютно. Не пришей кобыле хвост. Скорей бы вино. Скорей бы... Сел в сторонку. Сижу. Никого не знаю. Патрик, Люси, Али – все разбежались. У всех есть знакомые. Даже Али встретил своих компатриотов из консульства Конго. Неожиданно ко мне подошел фотограф и попросил меня пересесть. Я не сразу врубился. Какая наглость! Сделал вид, что не понимаю. Попросил его повторить по-английски. Ушел. Через минуту подходит со вторым лауреатом. Стоят. Опять наклоняется и просит пересесть в сторонку... В сторонку? Да, в сторонку. Но почему? Здесь свет хорошо падает. Я знаю, потому и сижу. Я должен сделать портрет лауреата... Я – тоже лауреат. Как? Вы – Али Х.? Нет, я – Андрей Иванов, лауреат многих литературных премий. Но вы сегодня не лауреат? Нет. Тогда попрошу вас пересесть, пожалуйста. Последние слова с нажимом: *je vous en prie*, – прозвучали, как *j'insiste* [5] – сербский акцент, они все такие: чтобы выживать, готовы выдавливать других, – эмигранты... Пересаживаюсь. Заметил, как сверкнули глаза самодовольного лауреата. Потеснил русского. Важно позировал, выпячивая свой массивный дольфлунгренский подбородок. Скука, скука... Два часа топтались, бродили, пересаживались, слушали речи... Ах, наконец-то! На сцену влезли трансвеститы и запели, началось настоящее клиши-кабаре.

Гульба! Вино! Двое из этой бурлескной шайки были не очень, слишком мужланистые, но один был просто идеален: ни мужчина, ни женщина, почти не человек, инопланетное нечто. Думаю, Али, как праведный мусульманин, почувствовал себя оскорбленным. Он только что прочитал свою лауреатскую торжественную речь. Он волновался. Я даже был на минуту тронут. Но потом я возрадовался. Когда на эту сцену влезли эти смазливые бестии, я от всей души захлопал в ладоши. К чертям все это! Литературу, серьезность, от напряжения он два раз заикнулся... Нет, так нельзя. Должна быть легкость. Такая же легкость, с какой эти твари выплясывают и поют, так ты должен писать, только так, бесстыдно, нагло, всем показав и зад и перед, сплюнув со сцены, гремя ботильонами, они ушли, растворились в ночи, слились с теми призраками, что бродили по Клиши в темноте, завлекая прохожих. Нет, Али вида не показал, что его это оскорбило, но быстро исчез, пошел спать, к тому же он не пьет – что ему тут делать? Я сильно напился. Было много вина, я почти не ел. Помню, как разговаривал по-английски с одной теткой старше меня. Она сама подошла и первая заговорила по-английски: во всех французских премиях одни и те же имена, всюду одни и те же имена... Я сказал, что в России та же картина: одни и те же имена во всех литературных премиях... Мы повозмущались, повздыхали, прошлись по читателям, критикам, по издателям, по агентам, по всему литературному рынку... по нобелевке прихлопнули... не знаю, кем она была... может, писательница... я не выяснил, не люблю задавать вопросы... она не сказала... ругала переводчиков и всякие фонды, организаторов литературных фестивалей и чтений, резиденции и проч... желчи ей было не занимать... я сказал, что очень доволен моим пребыванием во Франции... она стала расспрашивать, я рассказывал и все время говорил обо всем с восторгом, явно ее раздражавшим... наверняка писательница... затем мы прошлись по англоязычным издательствам и Джонатану Франзену – о! тут мы сошлись, тут мы прекрасно поняли друг друга, но домой я к ней не поехал, нет, меня ждут, прощайте, мадам... Ночью, один, совсем один, я сел на ступеньку лестницы, и – карнавал для меня еще не закончился, а у меня уже началось похмелье и – тоска на душе, такая тоска...

поговорить не с кем... Али уснул, клавесин снизу затих, я нашел в серванте початую бутылку Ouzo, сделал себе коктейль, а потом еще, а потом я вспомнил о пачке табака... Я знал, что Патрик не курит, видимо, пачку забыл кто-то из его гостей, таких же, как я... кто заехал на неделю, а потом уехал... заезжий писатель, которого издал Патрик... я пошел и взял пачку, и тут из нее выпала упаковка для бумажек, красная, Rizzle... я ее поднял... вот так я терял их, Д. говорила, чтоб я вкладывал бумажки внутрь, но я частенько ленился и просто оборачивал сверху, и они терялись... Я посмотрел на бумажки, они были оборваны вокруг – я тоже так делал! Мы так делали: обрывали картонную обертку, чтобы сделать гильзу вместо фильтра... пачка была желтая, французский табак, но похож на те шведские пачки, что мы покупали в Ларвике у одного курда... сделал еще коктейль... выпил, посидел, не удержался, скрутил одну тоненькую папироску и покурил на улице, но не смог докурить, не справился с нервами.

1 Какой гибрид! (фр.)

2 Как швейцарец (фр.)

3 Как еврей (фр.)

4 Буря и затишье (фр.)

5 Я настаиваю (фр.)

Об авторе: АНДРЕЙ ИВАНОВ

Родился и живет в Таллинне. Окончил Таллиннский педагогический университет по специальности «филолог-русист». Автор книг «Путешествие Ханумана на Лолланд», «Ночь в Сен-Клу», «Харбинские мотыльки» и др. Публикуется в журналах «Звезда», «Новый мир», «Новый журнал» и др. Лауреат премий Эстонского фонда «Капитал культуры», «Русской премии», «НОС», финалист Русского Букара. Neкаýaġar